

ПРИЕХАЛА КОМИССИЯ

7 июля 1972 года в Темиртау пришла телеграмма из Ленинграда: «В соответствии с совместным решением вице-президента АН Миллионщикова и начальника ГМС Федорова к вам направляются ученые для ознакомления на месте с работой в области прогноза погоды. Прошу оказать содействие этим ученым, которые предполагают прибыть в середине июля. Академик Марчук».

Комиссию создали по прямому поручению Д. С. Полянского. Доклад о её работе должен был лечь на его стол. Всё пошло сверху вниз по строго официальной лестнице. Сначала прозаседали (22 июня 1972 г.) ГУ ГМС (Е. К. Фёдоров) и президиум АН (М. Д. Миллионщиков). Их решение спустилось к председателю Научного совета по прогнозу погоды Г. И. Марчуку, который 17 июля и образовал комиссию из специалистов. Их фамилии подавляющему большинству читателей ни о чём не говорят, но в Темиртау 26 июля приехали лишь пятеро из них: Е. П. Борисенков (председатель комиссии), Н. А. Аристов (секретарь комиссии), В. П. Дымников, Г. Р. Контарев и А. И. Оль.

Эта группа предполагала работать по определённому плану. Ознакомиться на месте с имеющимися материалами. «В процессе личных контактов уяснить» основы составления дьяковских прогнозов. Провести проверку про-

гнозов с точки зрения критериев и инструкций службы погоды. Оценить их практическую эффективность по отзывам потребителей. Ознакомиться с рукописями и публикациями Дьякова для знакомства с научными основами прогнозов. Далее (в конце августа) провести в Ленинграде научную дискуссию с приглашением А. В. Дьякова. В конечном счёте составить доклад с выводами и предложениями.

79

Доктор физико-математических наук Евгений Пантелеймонович Борисенков руководил отделом теории взаимодействия атмосферных и океанических процессов Арктического и Антарктического НИИ (ААНИИ) и считался солидным учёным. В будущем он станет директором ГГО. Общительный, обаятельный человек, не избегавший контактов с прессой, которая нередко гонялась за ним после публикации написанной в соавторстве книги о погодных аномалиях в Древней Руси (по материалам летописей).

Кандидат географических наук Н. А. Аристов заведовал лабораторией сезонных прогнозов Гидрометцентра и, судя по всему, особого научного вклада после себя не оставил.

Старший научный сотрудник отдела геофизики ААНИИ Александр Иванович Оль, несмотря на скромную степень кандидата физико-математических наук, имел международную известность как автор открытия одной из важных закономерностей солнечного цикла. Дьяков

очень ценил его труды, включая их в список опорных для своей теории.

Два молодых кандидата физико-математических наук (лет тридцати пяти) Валентин Павлович Дымников и Роман Георгиевич Контарев приехали из Новосибирска. Ученик Марчука Дымников работал завотделом гидродинамических методов прогнозирования погоды Западносибирского регионального ГМЦ, а сколько-то лет спустя стал академиком. Трудно сказать, что влияло на судьбу Контарева (в то время старшего научного сотрудника ВЦ СО АН), но он остался просто интересным человеком, который нашёл себя в том, чтобы втягиваться в разные авангардные проекты. В двухтысячном году он умер, но до этого перевёл с немецкого книгу Г. Мартина и Г.-П. Шуманна «Западная глобализация: атака на процветание и демократию», а также вместе с О. Т. Вите руководил работой по изданию труда Б. Поршнева «О начале человеческой истории», который пересматривает традиционные научные представления о происхождении человека. В период приезда комиссии у него сложились с Анатолием Витальевичем самые добрые и доверительные отношения.

Началась работа комиссии со скандала. Учёные вошли во двор и не сдержали возгласов изумления по поводу метеостанции, стоящей среди огорода. Вероятно, кто-то из них не воздержался от насмешливой критики. Кто? Быть может, Аристов? Если рассуждать так, что это не Борисенков, не доброжелательный Контарев, не его товарищ Дымников и не интеллигентнейший Оль...

Единственное свидетельство об этом эпизоде донёс до нас Г. Юров.

Бог Погоды вышел из себя:

– Вы что, учить меня приехали? Или всё же учиться? А ну-ка вон все отсюда! И чтобы духу вашего здесь не было!

Четверо притихших членов комиссии поплелись со двора. Борисенков присел на крыльцо. В его жизни бывало всякое. В войну он служил в дивизионе «катюш», повидал многое, привык понимать людей. Дождавшись момента, когда гнев Анатолия Витальевича уляжется, он постарался найти подход к трудному собеседнику дипломатическим путём. Они разговорились о науке...

Комиссия закончила работу 5 августа. За исключением Аристова, все остальные остави-

ли записи в журнале учёта посетителей, найдя по-человечески добрые слова.

«От имени группы членов комиссии по изучению научных основ методов прогноза погоды, разработанных А. В. Дьяковым, выражаю глубокую благодарность глубокоуважаемому Анатолию Витальевичу за оказанное им гостеприимство и истинное радушие. Мы были поражены Вашей неутомимой энергией и неугасимым стремлением к научной истине. Поистине Ваша жизнь представляет собой подвиг во славу науки, и наилучшим девизом для всей Вашей жизни будет: *Per aspera ad astra!* Желаем Вам крепкого здоровья и дальнейших успехов на благо нашей науки. А. И. Оль. 01.08.72».

«Глубокоуважаемый Анатолий Витальевич! Очень рад, что случай позволил мне внимательно ознакомиться со всей Вашей активной и весьма плодотворной научной и научно-оперативной деятельностью. Я многому удивлен, но больше восхищен Вашей неиссякаемой энергией, исключительной преданностью науке вообще и метеорологии с астрономией в их единении в особенности. Надеюсь, что в ближайшее же время Ваши труды будут опубликованы. Уверен, что у Вас будет много благодарных последователей, которые будут развивать Ваши идеи и внедрять их успешно в практику. Желаю Вам здоровья, душевного спокойствия, больших творческих успехов. Е. П. Борисенков. 05.08.72».

«...На нас произвела глубокое впечатление Ваша личность, Ваше бескорыстное служение поставленной благородной цели... В. П. Дымников, Р. Г. Контарев. 22.08.72». (Очевидно, они позже навестили Бога Погоды в частном порядке.)

Комиссия уехала из Темиртау вполне довольная. Вскоре по возвращении профессора Борисенкова домой, в Ленинград вдогонку ему пришла телеграмма из Темиртау (17 августа). В ней констатировалось, что подтвердился прогноз от 3 августа, сделанный практически на глазах у комиссии. Речь шла о тропосферных возмущениях середины августа в Мексике, США, Японии и на Кубе. По сообщению «Сельской жизни», небывалые ливни обрушили там две годовые нормы осадков, залили тысячи га посевов и нанесли ущерб в четыре миллиона долларов. «Сердечный привет. Дьяков».

Началась подготовка к совещанию в Новосибирске, намеченному на 14–16 сентября, ожидалось, что будет вынесено объективное

80

мнение по Дьякову. У него самого были некоторые сомнения на этот счёт.

Контарев убеждал его не страшиться ничего плохого. «Глубокоуважаемый Анатолий Витальевич! Посылаю Вам окончание статьи «Солнце и мы».

Отвечая на вопрос Нины Григорьевны, я сказал, будучи у Вас, что Вам лучше не ездить на заседание комиссии. Но на заседание совета по прогнозу погоды, к работе которого, как мне известно, привлекаются многие ведущие специалисты по астрономии, физике плазмы, магнитной гидродинамике и т. д., я думаю, Вам приехать нужно.

Предполагается, что на совете будут заслушаны два доклада: Ваш и Борисенкова, с изложением результатов работы комиссии. Уверяю Вас, что на совете и вообще в Новосибирске Вы встретите самое доброжелательное к Вам и Вашим идеям отношение. Судя по тому, как идет подготовка к совету, будет сделано все, чтобы Ваши труды были немедленно опубликованы, а Ваши идеи тщательно изучены и немедленно взяты на вооружение.

Я думаю, что это будет тот самый день, к которому Вы шли более 30 лет по столь тернистому пути. Ваше же отсутствие может быть неверно истолковано и использовано вашими противниками. До свидания, Ваш Контарев» (24.08.72).

Но события пошли по другому пути. В тот же день (24 августа) Анатолий Витальевич «имел честь» принять звонок из Москвы и поговорить с самим Полянским, который приглашал его в столицу для изложения идей в научной аудитории.

5 сентября Дьяков приехал на улицу Павлика Морозова, в здание ГУ ГМС, где собрались представители ААНИИ, ГГО, ГМЦ, КазНИГМИ. В числе других выступлений он высказался на тему предстоящего режима погоды в Евразии в 1972–1973 годах.

Через три дня не было предела его возмущению, когда он узнал, какой сюрприз приготовил ему Н. А. Аристов, отвечавший в комиссии за проверку оправдываемости дьяковских прогнозов. Взяв информацию по прогнозам в Министерстве сельского хозяйства РСФСР, Аристов сделал убийственный вывод – 48–52 процента. Эти цифры должны были войти в официальный отчёт о результатах работы комиссии, который готовился к ноябрю. Дьяков

расценил это как бессовестную проделку чело- века, к тому же имевшего наглость просить его о заверении «данных» своей подписью. С гне- вом ответив отказом, он поспешил к Фёдорову и оставил у Евгения Константиновича заявление: «...считая абсолютно невозможным мое уча- стие в заседании Научного совета по прогнозу погоды <...> в Новосибирске ввиду необъектив- ности, допущенной в процессе работы комис- сии <...> прошу Вас заменить мое выступление там докладом на I Всесоюзном совещании «Солнечно-атмосферные связи в теории кли- мата и прогнозах погоды»...». Академик согла- сился с аргументами возмущённого сибиряка и решил вопрос в его пользу. Так Дьяков оказался в числе участников этого знаменательного со- вещения, хотя, казалось бы, приглашение ему должны были сделать и без горячих эмоций. Тем более что ответственным за организацию совещания лицом значился его однокашник по МГУ Э. Р. Мустель.

23 сентября Бог Погоды выступил с докла- дом в Гидрофизическом институте (детище ака- демика В. В. Шулейкина, который присутство- вал среди слушателей). 28 сентября его слуша- ли в Севастополе, в Институте биологии южных морей. Оба доклада длились по два часа и бы- ли встречены тепло. Между этими докладами (27 сентября) его порадовала статья Ю. Черни- ченко «Погода на все лето» в «Правде». Затем Бог Погоды приехал в милую его сердцу Одессу по приглашению Одесского гидрометеорологи- ческого института. Завершилось научное турне в Минске, в Институте физики АН Белорусской ССР.

Вернувшись домой, он подклеил в тетрадь корреспонденций телеграмму: «С удовольстви- ем прочитал статью в «Правде» 27 сентября, поздравляю с общественным признанием, оно ценнее мнения бугаевых. Желая дальнейших успехов. Жеребин».

ВЫХОД НА СЦЕНУ

Для участия в I Всесоюзном совещании «Солнечно-атмосферные связи в теории кли- мата и прогнозах погоды» председатель оргко- митета Э. Р. Мустель пригласил директора КМК, Героя Соцтруда Е. М. Салова. Евгений Михай- лович поблагодарил за приглашение, сослался на производственную занятость и закончил официальный ответ так: «По обсуждаемому на совещании вопросу сообщая: руководство,

специалисты КМК в течение почти 20 лет пользуются прогнозами погоды т. Дьякова А. В. в практической работе при планировании транспортировки сырья, ремонтов доменных печей и других металлургических агрегатов; предотвращались аварийные ситуации. Все это способствовало выполнению комбинатом плановых заданий.

Прогнозы погоды т. Дьякова А. В. более достоверны, чем сведения Западносибирского УГМС. В целом считаем, что научно-исследовательская гелиометеостанция Горной Шории рекомендовала себя с положительной стороны».

В конце октября почтальонка принесла довольно злое письмо из Москвы. «Уважаемый т. Дьяков А. В.! Насколько мне известно, дирекция ГМЦ СССР уготовливает Вам расправу на предстоящей конференции. Подготавливаются соответствующие люди, и в основном они будут допущены на конференцию (по приглашительным билетам). Те же, кто желал бы Вас поддержать, не будут допущены. Устраивать расправы в ГМЦ СССР есть богатый опыт. Это вы учтите. Сотрудники ГМЦ СССР».

Анонимное предупреждение скорее всего соответствовало действительности. Наука подковёрных интриг вступала в свои права. Но письмо, копию которого автор или авторы отправили в «Правду», выбивало оружие из рук возможных провокаторов. В случае чего Дьяков выложил бы его на стол Полянского.

Бог Погоды уверенным курсом продолжал свою «революцию», концепцию которой он высказал ещё в 1954 году в письме Эйгенсону – завоевать надо прежде всего понимание в правительственных кругах. Его давний заочный собеседник уже десять лет покоился в могиле, не дожив до радостных дней совещания...

26 октября Дьяков отправил телеграмму: «Москва. Кремль. Первому заместителю председателя Совета министров СССР товарищу Полянскому Д. С. Глубокоуважаемый Дмитрий Степанович! Прошу вас принять меня 30–31 октября 1972 г. Останавливаюсь в гостинице «Россия» в Москве. Дьяков А. В., гелиометеостанция Горной Шории (пос. Темир-Тау Кемеровской области, Садовая, 30).

31 октября он переступил порог приемной в Доме совета министров (Кремль). Ровно в одиннадцать референт Николай Иванович Косолапов пригласил Дьякова войти в кабинет. Дми-

трий Степанович усадил его за стол напротив себя. Разговор длился полтора часа, причём визитеру пришлось сдерживать собственную словоохотливость, слушая довольно длинные тирады хозяина кабинета. Полянский долго говорил о роли метеорологии для сельского хозяйства, подчеркнув, что очень серьёзно оценивает работу Анатолия Витальевича в области долгосрочных прогнозов и верит ему, несмотря на попытки некоторых представителей Гидрометцентра умалить и принизить его достижения. Здесь были упомянуты фамилии Багрова и Зверева.

Полянский сказал, что одобрил решение Фёдорова о замене доклада Дьякова в Новосибирске докладом на предстоящем московском совещании. Об этом решении Е. К. Фёдоров лично доложил Дмитрию Степановичу.

Доклад комиссии, приехавшей летом в Темиртау, уже лежал перед Полянским, который выразил удовлетворение основным выводом ученых: необходимо опубликовать работы Дьякова и сделать их всеобщим достоянием на пользу советской науке.

Анатолий Витальевич вышел из кабинета с крыльями за спиной, наполненный счастьем и чувством огромной моральной поддержки. На следующий день его ожидало событие, подводившее итог всей жизни. По крайней мере, так ему казалось.

В дни совещания Дьяков не расставался с Р. Ф. Усмановым, заместителем председателя оргкомитета, давно ставшим ему другом, пожалуй, единственно искренним за всю жизнь. Рустем Фатыхович предложил ему отказаться от гостиницы и жить у него дома, в небольшой, но уютной квартирке на улице Красные Зори, расположенной в отдалении от центра города (Кунцево). Он сам и его жена Зейнаб Зарифовна, которую Г. Юров описал как «маленькую, сухонькую женщину», служившую в юности лётчиком-испытателем, а затем работавшую авиаконструктором, оказывали сибиряку самое сердечное гостеприимство. Вместе друзья побывали в редакции «Сельской жизни», получив самые горячие напутствия в борьбе идей.

Прохладным утром 1 ноября они отправились на Красную Пресню, в переулок Павлика Морозова, 12. Шестой этаж. Председательствовал на совещании Е. П. Борисенков. Он уточнил у Дьякова:

– Сколько времени вам дать для доклада?

- Сколько всем, столько и мне.
- Речь идёт о двадцати минутах.
- Этого мало!
- Тогда сорок, но не больше.

(Этот диалог описан в «Печальной повести»...)

Проблему увязали. И вдруг возникла ещё одна, никак не предвиденная и шокирующая: Дьяков пожелал и, можно сказать, потребовал, чтобы его доклад прозвучал на французском языке. Зачем? Что за каприз? Что за чудачество? Но, быть может, это была маленькая месть за годы унижений. Вот вы – учёные, а я нет. Я «лжеучёный». Но если вы учёные, то должны знать языки... Пришлось срочно искать переводчицу.

Всего на совещании выступали сорок семь докладчиков из научных учреждений – ААНИИ, ГАМЦ, ИФЗ, СибИЗМИ РАН, КазНИГМИ... Дошла очередь до Дьякова. Он вышел к трибуне. Импозантный герой жарких споров в научной среде. Сенсационный Бог Погоды. Буйные седые волосы, благородная осанка, чем-то он напоминал героя эпохи Возрождения. Ему почти шестьдесят один год, хотя пенсию и не думал оформлять. Рядом молодая, по-московски эффективная и по-французски пикантная переводчица. За столом президиума на сцене восседают солидные мужи, напрягшиеся в ожидании первых слов. Конференц-зал ГУ ГМС битком набит людьми, которые толпились в дверях и специально радиофицированном фойе. Сотни глаз устремлены на докладчика. Среди учёных сидят представители прессы, в том числе «правдист» Юрий Черниченко, Борис Лесик из «Сельской жизни», Олег Мороз из «Литературной газеты». В замершей тишине сверкают вспышки фотоаппаратов. Тема доклада звучала с будничной наукообразностью: «Использование информации об активности Солнца в гидрометеорологическом прогнозировании на длительные сроки (1940–1972 гг.)». Отчетливо грацируя, Дьяков произнёс по-французски:

– Светлой памяти великого учителя астрономии и метеорологии, основателя Французского астрономического общества Камилла Фламариона посвящается доклад автором, действительным членом Французского астрономического общества с тысяча девятьсот тридцать второго года.

Затем он свободно, не заглядывая в текст и местами каламбуя, импровизируя и отвлека-

ясь от строгости изложения, донёс до слушателей квинтэссенцию своих воззрений, как обычно, впрочем, избегая объяснения по конкретной методике прогнозов. Доклад далеко вышел за пределы регламента, даже в оговорённых с Борисенковым рамках, и растянулся на час. Из президиума пытались напомнить о времени, но из зала раздавались реплики:

– Дайте Дьякову высказаться!

По окончании доклада зал утонул в громких овации. Триумф выступления был полный. Докладчик наклонил голову, затем выпрямился и, как написал Г. Юров, отчеканил:

– Служу Советскому Союзу!

Эта патетическая реплика с оттенком остроумия заставила наэлектризованный зал вновь взорваться аплодисментами.

В фойе шло стихийное обсуждение доклада. Мнения слышались разные.

– А что, всё правильно...

– Научное обоснование слабовато...

– Как же, извините, использовать эту методику?..

– Я не верю в методику Дьякова!

– Исключительно эрудированный человек!

– Главное для Гидрометцентра – свести игру вничью!

– У него есть мысли, он не боится ошибиться...

(Реплики записал О. Мороз и воспроизвёл их в «ЛГ» от 03.12.72.)

Доклад прошёл без каких-либо попыток «расправиться», как предупреждалось в том письме. «Очевидно, редакция «Правды» довела до сведения работников ЦК КПСС содержание этой анонимки», – отметил про себя Анатолий Витальевич.

Вечером того же дня состоялось заключительное заседание совещания. На нём было принято решение, отметившее, что исследования по проблеме Солнце – атмосфера Земли, проводившиеся в течение нескольких десятилетий в СССР и за рубежом, позволяют твёрдо сказать: активность Солнца и другие космические факторы существенно влияют на атмосферные процессы, а их учёт имеет большое значение при составлении прогнозов погоды. В формулировке решения приводился список советских учёных, внесших наиболее существенный вклад в гелиогеофизическую проблематику. Дьяков, к его несказанной радости, был назван в первом десятке имён: М. С. Эйгенсон,

83

В. Ю. Визе, П. П. Предтеченский, Л. А. Вительс, Б. М. Рубашев, А. И. Оль, И. В. Максимов, А. А. Гирс, М. Н. Гневышев, А. В. Дьяков, Р. Ф. Усманов, Э. Р. Мустель, Т. В. Покровская...

С торжествующим удовлетворением можно было констатировать, что профессора Бугаев и Пагава, академик Марчук потерпели сокрушительное поражение, отрицая влияние солнечной активности на тропосферу.

Тезисы докладов совещания были опубликованы в брошюре ГМЦ (октябрь 1972 г.) и в специальном сборнике под редакцией Э. Р. Мустеля (1974).

ДЕТИЩЕ КОМИССИИ

Доклад комиссии Дьяков читал по возвращении из столицы осенью 1972 года. Он представляет собой объёмный машинописный текст в сто страниц формата А4, вручную переплетённый в виде книги. Основные разделы включают в себя историческую справку, написанную Б. М. Рубашевым, сведения о научно-методических основах прогнозов Дьякова, оценку их практической ценности и приложение, призванное иллюстрировать процент оправдываемости практическими примерами.

В исторической справке обстоятельно изложены идеи и успехи зарубежных и советских исследователей по теме «Солнце – погода». Отмечается, что само по себе обращение Дьякова к Солнцу в этом плане не так уж ново. В СССР этой теме посвятили работы ташкентские гелиогеофизики М. С. Жуков, П. П. Предтеченский, К. А. Бродовицкий, ученые Пулковской обсерватории во главе с М. С. Эйгенсоном (и в их числе его ученик Б. М. Рубашев), сотрудники ГГО Л. А. Вительс и Р. Ф. Усманов, а также завлабораторией солнечно-земных связей при ГМЦ Э. Р. Мустель. Все они внесли в тему заметный вклад. Общий аспект их подхода к проблеме, как и большинства зарубежных исследователей, базируется на двадцатисемидневном синодальном солнечном цикле (то есть периоде вращения Солнца вокруг своей оси). Однако Дьяков, судя по всему, двадцатисемидневный цикл не использует.

В главке «Гелиофизические основы прогнозов А. В. Дьякова» приводится схематичное описание его работы как бы глазами экскурсанта. Это интересно. «Хороший объектив и высокое качество изображения позволяют наблюдателю отмечать вихревую структуру солнеч-

ных возмущений, малейшие детали развития групп и даже образование светлых мостов, проходящих через тень крупных пятен. А. В. Дьяков считает эти мосты признаком чрезвычайной активности Солнца и называет их «взрывами» фотосферной активности Солнца. Подобные «взрывы» сопровождаются, как правило, увеличением числа пятен в группе, дроблением тени пятен на отдельные ядра, изменением формы полутени. Если такой взрыв происходит вблизи центрального меридиана Солнца, то он считается особенно эффективным в смысле воздействия на атмосферу Земли. Через 3–4 дня <...> в нижних слоях тропосферы, по данным А. В. Дьякова, наступает резкое обострение циклонической деятельности, проявляющееся в виде возникновения тайфунов, ураганов, глубоких циклонов и т. д.

Кроме того, А. В. Дьяков прогнозирует значительные обострения циклонической деятельности с заблаговременностью порядка 10 дней, исходя из появления на восточном крае Солнца групп пятен исключительно большой площади. Если группа пятен смещается от края Солнца до центрального меридиана и немного проходит через него, то такие условия А. В. Дьяков считает наиболее благоприятными для воздействия солнечных образований на земную атмосферу в течение ближайших 6–7 дней. Именно таким путем он давал телеграфные предупреждения в иностранные посольства (США, Мексика, Куба, Япония) о датах возникновения ураганов в Карибском море и Тихом океане. Таким же путем в период работы комиссии 2 августа 1972 г. им было дано предупреждение в адрес канцелярии Совета министров РСФСР».

Отмечено также, что Дьяковым предложен новый индекс, характеризующий динамику развития площади солнечных пятен. «Можно предполагать, что А. В. Дьяков каким-то образом умеет экстраполировать поведение индекса Js на 1–3 месяца вперед. Так, в период работы комиссии автор применял для составления прогноза трёхмесячный период крупных флуктуаций активности Солнца и 18–19-дневный период для более мелких флуктуаций. 27-дневным периодом <...> А. В. Дьяков в это время не пользовался».

Главка «Синоптическая интерпретация А. В. Дьяковым солнечно-земных связей» начинается с наблюдения о памяти живого экспоната, представшего перед комиссией. «У членов

выездной группы комиссии создается вполне твердое убеждение, что А. В. Дьяков внимательно и ежедневно следит за атмосферными процессами и хорошо знает синоптические особенности своего района и прилегающих районов. Обладая богатой памятью, он в состоянии в уме анализировать сложную последовательность синоптических процессов. Только этим можно объяснить, что он в состоянии вести прогнозическую работу, имея ограниченный синоптический архив». В этом отрывке мне видится исток того искажения смысла, который впоследствии получил некоторое хождение, – якобы Бог Погоды не имел никакой особой теории и метода, а делал прогнозы исключительно на основе памяти.

«Борисенков вспоминает о Дьякове как о незаурядной личности: он был и метеорологом, и геофизиком, и астрономом, но самое удивительное было в том, что он обладал феноменальной памятью, позволявшей ему сопоставлять погодные ситуации прошлых лет и использовать их в составлении прогнозов на будущее. Главное в его методе – связь погоды с трансформацией пятен на Солнце» – писали «Аргументы и факты»... Но ведь самое удивительное всё же – метод, а память – не от хорошей жизни, когда мало архивной информации.

Тот же Е. П. Борисенков в «Печальной повести...» вспоминал: «Я его тестировал, спрашивал, какая погода была в период, когда возвращались папанинцы. Он отвечал сразу, где какой циклон был, направление ветра, температура и прочее. Феноменальная память... Помнил всех царей, их жен по имени-отчеству, их любовниц... Помнил фамилии своих следователей после ареста...»

Вообще за клинической бесстрастностью доклада комиссии зачастую стоит бурная жизнь с её страстями. Комиссия избегает оценивать факты, считая, очевидно, что и не вправе это делать в целях объективности. На самом деле здесь больше механистического и формалистического, а может быть, сказывается сознательная уклончивость от принципиального отношения.

«Членам выездной группы комиссии удалось познакомиться с некоторыми черновиками рукописей А. В. Дьякова. Что касается опубликованных материалов, то имеется несколько заметок во французском астрономическом журна-

ле L'Astronomie, несколько газетных статей в районной газете и несколько статей о А. В. Дьякове, написанных журналистами. Публикаций в отечественных научных журналах по вопросам солнечно-атмосферных связей А. В. Дьяков не имеет».

А. В. Дьяков отказался приехать на семинары в Ленинград или Новосибирск (где должны были устроить весь разбор его деятельности по материалам комиссии). Но какие интриги стоят за этими несостоявшимися семинарами, комиссия умалчивает.

Комиссия фиксирует, что в 1952 году Дьяков был уволен за самовольное переименование станции в гелиометеорологическую и составление прогнозов независимо от УГМС. Но какие отношения за этим фактом скрывались – это был бы целый роман.

Говорится про рукопись «О предвидении погоды на длительные сроки на энергоклиматической основе». На неё было получено пять рецензий, две из них отрицательные, поэтому рукопись не опубликовали. А насколько смехотворными были две рецензии, комиссии не касается.

«Сам А. В. Дьяков аккуратно ведет учет всей входящей и исходящей информации. Все его прогнозы переписаны в тетрадь от руки, к каждому почтовому отправлению подклеена квитанция, подклеиваются вырезки из газет с публикациями официальных прогнозов ГУГМС о явлениях погоды и др. Однако этот, на взгляд комиссии, ценный материал является личным архивом А. В. Дьякова. Комиссия имела возможность лишь бегло с ним ознакомиться». «Не личным, а официальным архивом», – пометил в тексте доклада сам Анатолий Витальевич, и с ним нельзя не согласиться.

«Строгой физико-математической теории, позволяющей строить количественные методы прогноза погоды, А. В. Дьяков не имеет». «Имеется», – пометил он сам.

«Что касается метеорологической станции, то она находится в запущенном состоянии. (Дьяков поставил здесь знак вопроса.) В настоящее время гелиометеорологическая станция в Горной Шории представляет собой мало репрезентативную метеорологическую площадку в самом рудничном поселке, на которой ведутся ограниченные метеорологические наблюдения. Кроме того, рядом построена башня, где установлен неплохой телескоп и ведутся наблюде-

85

ния за Солнцем». Термин «репрезентативность» означает в метеорологии не просто «представительность», а особо выгодный характер местоположения, позволяющий улавливать погодные явления разных географических направлений, каковой (репрезентативной) раньше всегда и считалась станция Горной Шории, расположенная в центре Евразии. Однако в данном кусочке текста заложен, вероятно, всего лишь тот эмоциональный смысл, который у кого-то из членов комиссии остался в памяти как неприятный эпизод. Когда пришедшая на Садовую комиссия стала смеяться над станцией, стоявшей посреди огорода, а Дьяков погнал её вон.

Комиссия упоминает «гипотезу А. В. Дьякова об автоколебательном режиме атмосферы Земли» и при этом не высказывает к ней никакого отношения. Заслуживает ли она внимания? Неизвестно. Так же нейтрально говорится об урагане «Инес».

Полным молчанием обходится в докладе вопрос о том, что не было сделано комиссией вопреки намеченному плану. «Оценить практическую эффективность прогнозов на основе имеющихся отзывов потребителей». «Не сделано», – приписал Дьяков.

«Поручить членам комиссии выполнить следующее: <...> Л. Т. Матвееву прорецензировать статью А. В. Дьякова на 134 стр. (имеется в виду «Предвидение». – Е. Ч.); <...> обратиться к члену-корреспонденту АН СССР Э. Р. Мустелю с просьбой дать официальное заключение о работах А. В. Дьякова». Ничего этого не было сделано.

При всем при том комиссия отдаёт должное метеорологу, обслуживающему СССР и другие территории земного шара при штате три человека – он, жена плюс сторож. В целом выводы доклада как будто благоприятны. Утверждается необходимость публикации работ Дьякова. Предлагается создать обсерваторию под научным руководством ГУГМС. Констатируется поток благодарностей от сельхозпотребителей. И вот тут-то начинается самое главное и самое страшное. Подразумеваю вывод комиссии об оправдываемости прогнозов.

«Прогнозы особо опасных явлений погоды, главным образом засух, по оценке самого А. В. Дьякова, имеют оправдываемость не ниже 90 %. Уже одно это обстоятельство требует внимательного отношения к подобного рода прогно-

зам. Так, для примера можно указать следующее. А. В. Дьяков ведет переписку с агрономами ряда крупных целинных совхозов. Они присылают ему фактические данные о зависимости урожайности от количества осадков. По этим данным, с которыми члены комиссии имели возможность ознакомиться, в годы засух урожайность по этим районам в среднем в 3,3 раза меньше, чем в нормальные годы. Именно по этой причине, а также по причине отсутствия в органах ГУГМС декадных прогнозов комиссия провела выборочную оценку сезонных прогнозов, составляемых А. В. Дьяковым». Таков был исходный тезис по оценке прогнозов, производимой под руководством А. Н. Аристовой.

Эта работа проводилась по выборочно взятым телеграммам Дьякова, отправленным в период 1964–1972 годов в Министерство сельского хозяйства РСФСР. Как следует из текста доклада, проверка выполнялась двумя независимыми друг от друга организациями – ГМЦ и ГГО. Весь материал проходил экспертизу по четырём видам: гидрологическим прогнозам (таяние снега, вскрытие рек весной), выпадению осадков, температуре воздуха и ее месячным аномалиям, агрометеорологическим прогнозам. Поскольку прогнозы Дьякова с их «качественными характеристиками» по терминологии отличались от официально принятых в ГМС (с более определёнными количественными акцентами), им давалась нужная интерпретация. Например, у Дьякова: «сильные ливневые дожди», в ГМЦ: «уровень осадков в два раза выше нормы».

В приложениях к докладу приводятся вполне конкретные прогнозы Дьякова (первая графа); вторая графа – «фактически наблюдалось», третья содержала оценку – «прогноз оправдался», «не оправдался», «частично оправдался».

Примеры агрометеопрогнозов. «На юге Западной Сибири, особенно в Алтайском крае, интенсивная засуха в мае, июне и всей первой половине июля, сильные восточные ветры, температура около +30 градусов» (1965). Фактически наблюдалось: «Наблюдалась очень сильная засуха в Западной Сибири: влагообеспеченность яровой пшеницы 50–60 % оптимальной. В Алтайском крае, на юге Новосибирской и Омской областей – 30–50 % минимальной. Средняя урожайность пшеницы – 3–7 га». «Прогноз оправдался».

«Весной и летом 1964 года в Алтайском крае, целинных краях снова последует засуха, хотя менее интенсивная, чем в 1963 году, но на уровне примерно 1962 года». «Засухи не было. Влагообеспеченность яровой пшеницы преимущественно 70–90 % оптимума, урожайность – 10–12 ц/га». «Не оправдался».

Таких сопоставлений в приложениях десятки, однако остаётся неизвестным, как выборочное количество соотносится с общим объёмом телеграмм Дьякова. Согласно докладу, наименьшую оправдываемость показали гидрологические прогнозы (33 %), остальные – где-то на уровне 50 %.

«За период с 1964 по 1972 год в прогнозах А. В. Дьякова упоминалось о возникновении или отсутствии засух в 12 случаях. Из них оправдалось 6 (50 %). Кроме того, не давались прогнозы засух в Нижнем Поволжье и на востоке Северного Кавказа в 1969 г. и очень сильной и продолжительной засухи в восточной половине Европейской территории Союза в 1972 г.»

«Анализ оправдываемости прогнозов, данных А. В. Дьяковым, показал, что она составляет 52 %. Следует отметить, что прогнозы им даются в очень общей форме и в разные годы охватывают совершенно различные территории, то очень крупные (вся территория РСФСР, европейская часть Союза и т. д.), то более мелкие (Северный Кавказ, Поволжье и т. д.). Периоды прогнозов тоже различные – в одни годы даются прогнозы на вегетационный период, в другие – на отдельные месяцы или даже части месяца.

Прогнозы, составленные А. В. Дьяковым, не могут быть использованы для конкретных расчетов ожидаемой урожайности сельскохозяйственных культур, так как в них не дается распределение ожидаемых метеорологических условий или их аномалии в количественном выражении. Дается только общая тенденция аномальности условий увлажнения в отдельные годы (не во все). Так, не была предсказана очень сильная засуха в восточной половине Европейской территории СССР в 1972 году». Заключение составлено старшим инженером отдела агрометеопрогнозов ГМЦ К. В. Кириличевой.

По поводу сделанной по оценке прогнозов работы комиссия несколько раз делает в докладе как бы извиняющиеся ссылки на её «предварительный» и «ориентировочный» характер,

связанный с невозможностью получить доступ ко всей массе прогностической дьяковской информации. Объяснение парадокса, который заключается в несоответствии выводов комиссии оценкам потребителей, единодушно утверждающих, что прогнозы Бога Погоды лучше, чем сводки ГМЦ, вскользь относится к желательному, но неопределённому будущему.

Но молва-то о них расходится отнюдь не как о «предварительных». «Дьяков никогда не публиковал своих методов, а потому их нельзя было ни подтвердить, ни опровергнуть. Достоверность его предсказаний при строгом подсчете не превышала, а иногда была и существенно ниже обычных» – из упомянутой здесь статьи «АиФ».

Таким образом, не успев ещё остыть от великого триумфа на совещании, Дьяков потерпел сокрушительное поражение. При этом он расценил выводы комиссии по процентам как «подлую фальсификацию».

От этих процентов зависит всё. Действительно ли он – пламенный революционер науки, трагически обиженный Гидрометцентром, или всего лишь неудачливый энтузиаст с непомерным апломбом. Дилетант со смутными идеями. Он сам прекрасно понимал, что всё это значит.

И надо сказать, что вынесенный комиссией «приговор» до сих пор тяжёлым грузом висит на памяти Бога Погоды. Чтобы отменить его (если это возможно), необходимо объективное исследование с более углубленным подходом, чем сделала комиссия. Множественные отзывы агрономов дают надежду на реабилитацию.

БРЕЖНЕВСКИЙ ЗАСТОЙ

Отметив очередную годовщину Октября и свой день рождения, Дьяков вскоре получил приглашение от Марчука на заседание Научного совета, которое должно было поставить точку по докладу комиссии. Но от этого решающего боя он решил уклониться. Почему? Наверное, мы не знаем каких-то существенных тонкостей, однако не подлежит сомнению, что ему по-прежнему не хотелось открывать секрет своей методики, какая бы она ни была – плохая или хорошая.

22 ноября 1972 года Дьяков отправил заказное письмо Полянскому на пяти машинописных страницах. В нём перечисляются научные доклады автора, имевшие успех в разных аудиториях, и критикуются Бугаев и Марчук, представ-

ляющие консервативные взгляды, основанные на отрицании солнечных влияний. Между школами противоположных направлений в исследованиях атмосферы Земли много лет идёт ожесточенная борьба.

«В пылу такой борьбы та из борющихся сторон, которая предчувствует свое близкое и неминуемое поражение, как это бывает среди спортсменов, нередко прибегает к применению недостойных, некорректных приемов, в частности, фальсификациям, необъективным выводам и т. п. Именно так произошло в случае борьбы руководства ГМЦ СССР со мной в области долгосрочного предвидения погоды.

Лаборатория сезонных метеопрогнозов ГМЦ (заведующий Аристов Н. А.) скопировала в августе 1972 года в Министерстве сельского хозяйства РСФСР все метеопрогнозы на длительные сроки, которые я посылал туда по просьбе Главка семеноводства и земледелия... И вот по этим данным упомянутая лаборатория, вернее Н. А. Аристов, вывела показатель оправдываемости моих метеопрогнозов за десятилетие в 48–52 %, то есть показав именно такое число, которое предназначено полностью обесценить всю мою работу в области предвидения погоды за многие годы! <...> Вопиющую фальсификацию этих выводов и всю беспардонность такого приема можно немедленно обнаружить прежде всего из того факта, что мною оказались предсказанными за ТРИ месяца вперед (с февраля) все катастрофические засухи истекшего десятилетия – 1962, 1963, 1965 гг. на территории Западной Сибири и Северного Казахстана, чему свидетелем были Вы лично, получив мои предупреждения об этих явлениях по телеграфу. Кроме того, ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ предупреждения об этом имеются в Министерстве сельского хозяйства СССР!»

К письму Анатолий Витальевич приложил вырезку из «Правды» со статьей Ю. Черниченко «Погода на все лето» от 27 сентября 1972 года.

27 ноября 1972 года специально по теме «О научных и методических основах долгосрочных прогнозов погоды, составляемых А. В. Дьяковым» в Москве прошла сессия Научного совета по прогнозу погоды во главе с академиком Г. И. Марчуком. Совет констатировал, что «тов. Дьяков отказался представить необходимые для работы сессии материалы (тезисы доклада или доклад) <...> объясняя это тем, что доклад на Всесоюзной конференции заменяет его до-

клад на Научном совете». Однако в докладе на конференции «не указано, какая начальная информация используется и какова та последовательность расчетов, которую необходимо проделать, чтобы перейти от начальных данных к будущим конкретным явлениям погоды». Иными словами, пошаговой инструкции, увы, нет.

Научный совет обращался к шести людям, упоминавшимся в прессе в качестве благодарных потребителей дьяковских прогнозов, чтобы они пояснили, по какой системе прогнозы оценивают и какую статистику имеют. Было получено четыре ответа. Ни в одном конкретном сведении не содержалось. В то же время полученные комиссией оценки прогнозов (за семь лет) являются низкими. «Следует, однако, отметить, что оценка прогнозов комиссией производилась без участия тов. Дьякова А. В.».

Постановили: доклад комиссии одобрить; считать целесообразным составление Дьяковым прогнозов в опытном порядке в течение 1973–1974 гг. с представлением всех прогнозов в ГМС для объективной оценки; принять к сведению решение коллегии ГУГМС о быстрейшем опубликовании работ Дьякова, «особенно описания метода долгосрочного прогноза погоды».

«В целях эффективного использования телескопов и другого оборудования и вовлечения тов. Дьякова в научный коллектив считать целесообразным передать гелиометеорологическую станцию в Горной Шории в ведение одного из учреждений АН или ГМС и принять меры по ее укреплению».

Академик Фёдоров мог наконец обстоятельно отчитаться перед «Правдой» в свете статьи Ю. Черниченко. Среди разных принятых мер и предложений по солнечно-атмосферным связям он конкретно отозвался о Боге Погоды: «Сибирский гелиометеоролог А. Дьяков был приглашен на Всесоюзное совещание и выступил с докладом. Он участвовал в составлении ориентировочного прогноза на конец этого года и на 1973 год. Гидрометиздату поручено срочно напечатать работу тов. Дьякова, как только он представит ее издательству.

По поручению Академии наук СССР и Гидрометслужбы СССР Научный совет по прогнозированию погоды создал специальную комиссию. Поскольку тов. Дьяков не ознакомил его членов с методическими основами составления своих прогнозов, Научный совет не смог дать им окончательной оценки».

Накануне Нового года произошло одно из самых больших и счастливых событий в жизни Анатолия Витальевича Дьякова. Правительственным указом от 26 декабря он был награждён орденом Трудового Красного Знамени «за большие заслуги в увеличении производства зерна». Позже всяк кому не лень, пишущий о Боге Погоды, не забывал упомянуть эту парадоксальную формулировку. Хотя что же в ней парадоксального?

Поле научного сражения он сдал сам, по таинственной причине так и не захотев раскрыть свои секреты. Боялся кражи интеллектуальной собственности? Но он мог обеспечить публичность вынесения методики на суд учёных. Опасался, что она несовершенна и не обеспечит гарантированных прогнозов на уровне 80–90 процентов? Но тогда к чему все сенсации? Не хотел отдавать монополию? И в этом предположении не видно смысла. Страна и мир сделали бы скачок вперёд в области прогнозов погоды, поставив Богу Погоды памятник. Есть мнение, что методики у Дьякова вообще никакой не было. То есть он полагался на интуицию. И при этом превосходил Гидрометцентр с его сотнями тысяч исходных данных?

Отпраздновали Новый год. Прошло чуть больше месяца после награды, пришедшей, разумеется, благодаря Полянскому, как с ним самим случилась настоящая беда – падение с олимпа. Причину видят в том, что он раздражал членов политбюро ЦК КПСС заходами в чужие сферы влияния, например, протаскивал «своих» писателей в толстые журналы, а лично Брежнева раздражал репликами о его глупости и некомпетентности, о которых генсеку доносили.

Три года Д. С. Полянский пробыл министром, затем работал послом в Японии и Норвегии. Как министр сельского хозяйства СССР он продолжал оставаться покровителем Дьякова, но, скажем, Е. К. Фёдоров ему уже не подчинялся по прямой административной линии.

Возможно, многое из намеченного в планах по солнечно-атмосферным связям рассыпалось в те годы, в частности, из-за этого падения Полянского. Во всяком случае, какое-то время спустя началась полоса «мрачной реакции». Солнечная проблема из научно-академической тематики изымалась. Дошло до того, что из научных библиотек стали выбраковываться книги по этому направлению. Сошла на

нет совместная со США программа по исследованиям Солнца. Затем американцы легко нас опередили.

Солнечная тема стала явно «неперспективной» в диссертационном плане. Е. П. Борисенков так и сказал молодым тогда учёным В. Логинову и Б. Сазонову, которые интересовались Солнцем, и посоветовал заняться чем-то другим. Они последовали его совету. Б. Сазонов стал доктором физико-математических наук, В. Логинов, упоминавшийся здесь в главе о Мультиановском, – академиком АН Беларуси.

«Быстрейшей публикации» работ Дьякова не получилось. В какой степени он сам виноват в этом? Нельзя исключить того, что где-то он не дождал с терпением, хитростью и саморедактированием, но, пожалуй, для всей этой истории характернее всего понятие негласного запрета. Если бы захотели – напечатали. Мучительная канитель ничуть не прервалась после постановлений о «быстрейшей публикации».

В марте 1974 года в Темиртау пришло письмо из Министерства сельского хозяйства СССР, подписанное заместителем министра А. А. Гольцовым (от 18 числа). Добрый замминистра писал: «Как стало нам известно, Вами подготовлена рукопись-монография по метеорологическому прогнозированию и Вы испытываете затруднение в ее издании. Министерство сельского хозяйства СССР может оказать помощь в издании Вашего труда. Если Вы согласны, то свою рукопись доставьте в министерство, и она будет отправлена в соответствующее издательство».

Дьяков согласен. Через полгода приходит ответ за той же подписью (от 15.10.74): «Уважаемый Анатолий Витальевич! Сообщаю Вам, что полученная Минсельхозом СССР по почте рукопись размножена в четырех экземплярах для подготовки ее к изданию. Возвращаем Вам подлинник и два экземпляра копии. Для передачи рукописи в издательство «Колос» было бы желательно, чтобы Вы, Анатолий Витальевич, сделали на одной копии чернилами дополнения и уточнения, которые целесообразно внести исходя из опыта Вашей работы и наблюдений за последние годы. Необходимо исправить (обновить) абзацы по последним решениям партии и правительства. Копию с исправлениями и дополнениями (без перепечатывания) просьба как можно быстрее вернуть в Министерство сельского хозяйства СССР. Здесь мы ее перепечата-

ем и отдадим в издательство. Позднее Вам придется приехать в Москву для решения возможных вопросов в издательстве».

Самым отвратительным оказался вопрос подновления абзацев с «последними решениями партии и правительства». Их следовало найти в газетах, которые давно ушли на растопку, через силу прочитать трескучую галиматью и любовно процитировать в нужных местах, которые надлежало вдумчиво определить среди научных рассуждений и формул. Нервный, лёгкий на безумные вспышки Дьяков, что называется, плюнул на эту чересчур заумную идею вместе с рукописью.

В том же году Бог Погоды снова потревожил Полянского, формально оставшегося пока членом Политбюро ЦК КПСС. «Я представил 7 сентября 1972 года особое мнение касательно режима погоды на территории СССР в 1973–1974 годах, изложив также и ОСНОВЫ МЕТОДИКИ, разработанной мною для долгосрочного предвидения погоды с учетом воздействия на земную тропосферу энергии активности Солнца. Фотокопию моего документа имею честь Вам представить. Его содержание значительно отличается от тех согласованных, весьма общих и расплывчатых соображений о погоде в 1973 году..., какие были разработаны Совещанием метеорологов 5–7 сентября 1972 года в ГУГМС и переданы Совету министров СССР. Между тем мой документ (особое мнение) начальник ГУГМС Е. К. Федоров предвзято не вручил Вам, скрыв его у себя. Моя статья в «Литгазете» «Когда крепчает солнечный ветер» сделана на основе этого документа.

Все мои предположения оправдались, особенно положение, что 1973 год должен быть вполне благоприятным для сельского хозяйства всей страны как на западе, так и на востоке (Федоров присвоил мой прогноз).

Документ мой прошу опубликовать на страницах журнала «Земледелие», ибо там основы методики, прошедшей испытание временем в течение трех десятилетий (с 1940 года). Достаточно напомнить, что с помощью этой методики мне удалось предвидеть все катастрофические засухи за двадцать лет и предупредить о них заблаговременно руководителей партии и правительства (включая Вас лично)». Он снова упорно апеллирует к «основам методики». Но кто же сможет объяснить, чем «основы» лучше самой методики?

Дьяков и наука существовали в двух параллельных мирах. Конфронтация с официальными учёными кончилась, причём поражением Дьякова. Он по-прежнему не признан наукой – не признан теперь «законно», по праву завершившей свою работу комиссии. В то же время его имя звучит, авторитет практических успехов находится в самом зените. Он проводит экскурсии, с удовольствием читает лекции школьникам, которые, бывает, приходят группами по тридцать – сорок человек. Дом его всегда полон гостей – журналистов, писателей, любопытствующих учёных, сценаристов, кинодокументалистов, доброжелателей, а иногда и просто самозванцев и проходимцев. В специально заведённом журнале учёта посетителей все они оставляют благодарственные записи.

И так проходят годы трудов, суеты, чтения писем и ответов на них, разговоров со всеми интересующимися, заинтригованными судьбой Бога Погоды людьми.

22 мая 1976 года произошло значительное событие. На большом вертолете Ми-8 из Кемерова в Темиртау прилетела группа руководителей вместе с заведомом сельского хозяйства ЦК КПСС Иваном Ксенофонтовичем Капустяном. С высоким московским визитёром прибыли первые секретари Кемеровского (Л. А. Горшков) и Новосибирского (Ф. С. Горячев) обкомов партии. Их сопровождали директор Темиртауского рудоуправления С. Я. Скрипкин и секретарь парткома М. С. Петченко.

И. К. Капустян поинтересовался перспективами урожая зерновых на всей территории СССР. Ответ был: «Перспективы благоприятные, особенно на европейской части Союза. Правда, в Западной Сибири и Северном Казахстане последует засушливый период в тридцать пять суток с конца мая по начало июля 1976 года. Впрочем, эта информация уже отправлена в Министерство сельского хозяйства СССР, Кемеровскому обкому КПСС, всем обкомам Западной Сибири и Северного Казахстана, председателю Совета министров РСФСР товарищу М. С. Соломенцеву...»

Происходили и довольно настораживающие случаи. В журнале учёта посетителей 2 июля 1976 года появилась стандартная, казалось бы, запись: «Уважаемый Анатолий Витальевич! Мы, члены юношеской секции Новокузнецкого отделения ВАГО, благодарим Вас за теплый прием, интересный рассказ о Вашей работе.

90

Мы узнали много нового и интересного. Пусть Ваша работа приносит только счастье Вам и всем людям».

Увидев эту запись, скрупулёзный Дьяков обратил внимание на отсутствие подписей и написал: «А кто именно? Подписей-то нет! Анонимщики!» Далее Анатолий Витальевич собственноручно сделал комментарий, называя себя в третьем лице: «История этого визита следующая. Еще в апреле 1976 г. руководитель юношеской секции НО ВАГО – лаборант НГПИ (Новокузнецкого госпединститута. – Е. Ч.) Родионов – обратился по телефону к А. В. Дьякову с просьбой предоставить ему результаты наблюдений Солнца, сделанных А. В. Дьяковым в течение 1973, 1974–1975 годов.

– Для каких целей нужно использовать эти наблюдения?

– Мы отправляемся в августе 1976 года на слет молодых астрономов в Баку. И представим эти работы как сделанные нами.

– Но ведь это же нечестно – выдавать чужие наблюдения за свои, ведь вы ни разу у меня на обсуждении еще не были! Это же приписка!

– А иначе в науку не пролезешь, – последовал довольно циничный и откровенный ответ.

2 июля Родионов, видимо, постыдился отправиться сам, отправил четырех молодых астрономов в сопровождении лектора Новокузнецкого планетария В. Синицкой. И вот один из них повторил просьбу Родионова. Ответа на вопрос «зачем?» не последовало. Дьяков рассказал о разговоре с Родионовым. Синицкая была весьма сконфужена. Вот почему никто из них не решился поставить свои подписи...

История эта весьма прискорбная и неприглядная».

Нельзя здесь с Анатолием Витальевичем не согласиться. Мир снова, в который раз, менялся. Люди становились другими.

СЧАСТЬЕ НЕРАЗДЕЛЁННОЙ ЛЮБВИ

Ариадна Ивановна жила в Москве, на Ленинском проспекте, в квартире с подселением. Другим жильцом (дверь по коридору) тоже был немолодой учёный. В комнате её стояли допотопный шифоньер, стол, два стула и тахта.

Она участвовала в работах по вычислению орбитальных параметров гагаринского полёта, в шестьдесят лет защитила кандидатскую диссертацию и выпустила монографию, опубликованную в СССР и за рубежом. Иной

раз почтенные профессора-вдовцы предлагали ей руку и сердце, но встречали деликатный отказ.

Не так уж редко в столицу наведывался её любимый Толя, которого в письмах она теперь именовала «братиком», а сама подписывалась: «сестра». В 1960-е годы он останавливался у бывшей жены (хотя иногда и в гостинице, если она оплачивалась из командировочных средств; позже его гостеприимно принимал Р. Ф. Усманов).

Для Ариадны Ивановны его приезды стали великими событиями. Проводив гостя, она долго не могла прийти в себя, переживая каждую мелочь. Может, зря не положила ему в дорогу баночку варенья, боясь, что он разобьёт её и запачкает пальто? Не забудет ли Толенька помыть апельсины? Не будет ли он всю дорогу в поезде голодный? В поезде всегда задают тон какие-то малосимпатичные люди... В голову лезли всякие ужасы. В такие минуты она отчётливо понимала, как дорог ей Толя. Хотелось плакать. Работа отступала на задний план. Ариадна Ивановна думала о носовых платках, которые забыла положить ему в дорогу, о посылках с конфетами для детей... Снова делалось до слёз грустно и больно.

Она писала в письме: «...приехал? Угля у вас нет?.. Болели домашние? Толенька, как бы мне хотелось сделать за тебя все неприятное.

Как то ты готовиться к докладу будешь? Пожалуйста, держи меня в курсе дел... Я постараюсь присутствовать, чтобы тебе не было скучно и одиноко, когда будет доклад. Только напиши» (28.12.60).

«Толенька, радуйся жизни, деткам, солнышку и помни, что, пока у меня есть силы, я все сделаю для тебя...» – писала в другом письме (25.12.60).

Бывая проездом в Москве, долгое время работавшая председателем Темиртауского поссовета А. С. Черданцева с удовольствием ходила по её улицам, радовалась красоте и величию столицы. В душе поднималось чувство гордости за то, что в 1941-м она защищала город в расчёте зенитного орудия. И уж непременно она навещала Ариадну Ивановну. В 1961 году их разговор не мог не зайти о Гагарине.

– Полёт Юрочки – это наша работа, – говорила Ариадна Ивановна.

Как бы высоко ни витала эта учёная женщина в заоблачном эфире, она достаточно трезво оценивала нюансы отношений с Анатолием Ви-

тальевичем. Черданцеву волновала её бесконечная преданность темирскому кумиру.

– Обманывает вас Дьяков и всю жизнь обманывал!

– Нет, он чист, кисанька.

– Он вас в Москву отправил и обещал приехать сам... Говорил, что вы будете вместе...

– И не приехал, я понимаю...

– Ариадна Ивановна! – прямо спросила Черданцева. – Зачем он вам? Он же не любит вас!

– Что ж, пусть так. Я согласна и на такое, что одна его люблю.

Как всегда, Ариадна Ивановна наивно восторгалась кулинарным искусством гостя, которая всего лишь жарила глазунью.

– Как ты умеешь готовить, кисанька!

И всё выпрашивала о секретах приготовления.

– Да вы что, Ариадна Ивановна! Это же самое простое блюдо!

Черданцева поехала на Ленинградский вокзал, села в вагон.

– Это не ваша мамаша вас высматривает? – спросил пассажир, стоявший у окна.

– У меня нет никакой мамыши... И в Москве, и вообще...

Посмотрела за окно. На перроне стояла Ариадна Ивановна, в двойных очках пытавшаяся разобрать номер вагона (она уже почти ничего не видела). Черданцева вышла на перрон, обняла и поцеловала её.

В 1974 году Ариадна Ивановна Невзорова умерла. Похоронила её Академия наук, которая, вероятно, посылала две телеграммы Дьякову, считая его родственником, может быть, братом. Но по неизвестной причине на похороны он не приехал. То ли не счёл нужным, то ли из-за поезда-самолёта...

Тело её кремировали и прах захоронили в колумбарии АН.

– А вы знаете, Александра Сергеевна, мы с Диной, как Маркс с Энгельсом! – говаривал иной раз Анатолий Витальевич, имея, наверное, в виду её материальный вклад в созданную им научную теорию.

– Что же вы, как Маркс с Энгельсом, а две телеграммы получили и на похороны не поехали?! – не преминула она осадить этого уже знаменитого, но неприятного ей человека.

Ответа на свой вопрос Александра Сергеевна не получила.

В последний период жизни и работы Бога Погоды его авторитет в области сельского хозяйства остаётся на прежней, никем и никогда не опороченной высоте. География заявок и контактов поразительно широка. Само собой, что прогнозы с неизменной аккуратностью давались для Кузбасса и посылались в Кемеровский обком партии. Но список только областей и краёв, начиная от Киевской области на западе и кончая Сибирью, куда и откуда, не считая конкретных колхозов, совхозов и опытных станций, отправлялись телеграммы, очень длинен. Караганда, Кустанай, Павлодар, Целиноград, Семипалатинск, Новосибирск, Барнаул, Бийск, Свердловск, Омск, Курган, Челябинск, Башкирия, Саратов...

Если сельское хозяйство было главным фронтом приложения дьяковской деятельности, он всё-таки никогда не забывал и об океанских просторах, хотя нельзя сказать, что систематически отслеживал все многочисленные явления погоды на морях. 3 февраля 1981 года ушла телеграмма начальнику центрального узла связи Минморфлота СССР С. И. Развадовскому: «Считаю своим долгом послать вам предупреждение, что в период 5–20 февраля 1981 г. последуют жестокие штормы с ветрами восточного веста со скоростью 25–30 м/с на всем севере Европы, у берегов Англии, на севере Франции, в Атлантическом океане севернее 50 градуса северной широты...»

Ответ пришёл не из Минморфлота, а как бы из газеты «Известия» от 6 марта 1981 года, где одесский журналист А. Кноп красочно описал злключения советского танкера «Вентспилс». Сначала погода радовала моряков, согласуясь с прогнозами синоптиков. Как вдруг налетел мистраль – свирепый ветер Средиземноморья. «Вспененное море выглядело снежным полем, по которому с ревом разгуливали валы 10-метровой высоты. Трудно было разобрать, где вода, где небо. И среди неистовой пляски стихии в Лионском заливе маленький танкер...» Капитана поразила внезапность урагана, тем более что обрушился он не в открытом море, а в заливе, в 60–70 милях от берегов Франции и Испании. Ящики с противопожарным инвентарём смыло за борт, металлическое ограждение погнулось... Буря зашвыривала теплоход на гребни огромных волн. Команда мужественно боро-

лась со стихией. Коки готовили пищу, привязав кастрюли к плите... В конечном счёте всё обошлось благополучно, только в порт назначения (Барселону) танкер попал позже, чем хотелось, и не с востока, а с севера.

В дальнейшем С. И. Развадовский стал отвечать на приходящие иногда телеграммы из Темиртау. «Благодарю за информацию. Вашу телеграмму переслал Госкомгидромету...» (19.08.81).

ЖЕСТОКАЯ ЗИМА

Мир был поделён на две части. Одна угрюмо отмалчивалась, а то и прямо громила Дьякова с профессорской кафедры как дилетанта, лжеучёного, шарлатана, если не как-нибудь похлеще. Другая часть поражалась научному подвигу Анатолия Витальевича, любила его и питала глубочайшее восхищение.

Власти Кузбасса относились к Богу Погоды с должным пиететом. Председатель Кемеровского облисполкома Парфентий Васильевич Гузенко регулярно присылал ему поздравления к праздничным датам, правда, чисто официальные, отпечатанные типографским способом для известного круга лиц, входивших в поздравительный список области. Но П. В. Гузенко и лично не один раз прилетал в Темиртау на вертолёте, всегда с искренним интересом беседуя с Богом Погоды. По рождению крестьянин и по образованию агроном, он проявлял немалую компетентность в сельхозвопросах и в то же время отличался скромностью, чуткостью и вниманием к нуждам людей.

В это время наметились известные финансовые трудности в осуществлении ПИГАП (любимого детища покойного профессора Бугаева) – Программы исследований глобальных атмосферных процессов. В рамках ПИГАП проводились международные эксперименты – тропические, муссонные, полярные – с участием 70 стран, в том числе СССР. В них были задействованы сотни морских судов, буи, спутники, самолёты, станции Всемирной службы погоды. Многомесячные экспедиции приносили не так уж много открытий. На 1978–1979 годы ВМО решила вложить ещё больше средств, чтобы собрать максимум информации, для обработки которой потребуются ЭВМ с быстродействием, 10–15 миллионов операций в секунду.

Учёные выражали сомнение в принципиальной возможности точных прогнозов погоды

на длительные сроки. Метеослужба такой высокоразвитой страны, как Франция, «во имя авторитета самой науки» вообще прекратила с 1977 года публикацию месячных прогнозов.

Поэтому телеграмма из Темиртау во Францию от 11 октября 1978 года встретила понятное недоумение. С более привычными чувствами восприняли аналогичное послание в Министерстве сельского хозяйства СССР (от 27.09.78). О том, что Гидрометцентр, взявший на себя в свое время роль судьи прогнозов Бога Погоды и вынесший приговор о их 50-процентном качестве, сам в эти дни сел в лужу с нулевым прогностическим эффектом, говорить не приходится.

«Париж. Астрофизический институт. Ж.-К. Пекеру. Дорогой коллега, считаю своим долгом отправить предупреждение по поводу суровости зимы 78/79 г. По моим предположениям, следует ожидать весьма интенсивные волны холода в третьей декаде декабря, а также января – около минус 20 градусов».

С Жаном-Клодом Пекером Дьяков заочно познакомился ещё солнечный цикл назад – в 1967 году, когда предсказал «неистовую зиму» 1968 года в Европе («неистойой» окрестили зиму журналисты). Ж.-К. Пекер имел труды в области физики звёздных атмосфер, эволюции галактик, космологии. Генеральный секретарь Международного астрономического союза (1964–1967), президент Французского астрономического общества (1973–1976), с 1977 года член Парижской АН, в 1971–1978 годах – директор Астрофизического института в Париже.

«Спасибо за телеграмму. Мы уже одеваемся в теплые манти», – блеснул он галльским остроумием, давая ответ в Темир.

В конце второй декады декабря снег посыпался на Польшу, Чехословакию, ФРГ, Францию. Мороз ударил до минус десяти и двадцати. Во Франции 19 декабря оборвались обледеневшие электропровода. Машины, занесённые снегом, застревали на дорогах. Порой люди в них замерзали насмерть. Только во Франции ущерб составил около четырёх миллиардов франков.

На территории СССР тоже похолодало больше обычного. В Ленинградской области – минус 30–35 перед Новым годом, в Москве на шесть градусов ниже нормы. Зато в Западную Сибирь устремились потоки тёплого воздуха,

подняв температуру на десяток градусов выше нормы.

В Темир пришла ещё одна телеграмма из Парижа: «Спасибо за ваше великолепное предвидение. Можете ли вы, дорогой коллега и дорогой друг («Теперь так!» – пометил Дьяков), прислать заметку о методике предвидения? Надо ли учитывать активность солнца и как?»

Как? Хороший вопрос, мсье Пекер. Ответа на него мы не знаем до сих пор.

ДЕТСКОСТЬ В ХАРАКТЕРЕ

Дьяков никогда не изменял своему целеустремлённому, методическому характеру, в основе рациональному, интеллектуальному, творческому. Его преданность науке удивляла и восхищала всех, кто его хоть сколько-нибудь знал, в том числе самих учёных и тех, кого можно назвать коллегами по профилю деятельности, причём в докторских степенях, и других специалистов: агрономов, физиков, геологов.

К науке он относился с абсолютной бескорыстностью, которую сам отчётливо осознавал и не раз подчёркивал в переписке с научными инстанциями, что работает не ради материальных благ. Более того, вкладывал личные средства, например в строительство обеих башен, на Улудаге и на Садовой. Его личное бескорыстие оказалось чреватым довольно большими жертвами, которые вряд ли можно назвать разумными: дом в Крыму и пенсия. После смерти сестры Ольги Дьяков должен был оформить в наследство её дом, на который он просто махнул рукой, и дом достался крымской соседке Ольги. Достигнув шестидесятилетия, Анатолий Витальевич четыре года не оформлял пенсию, пока жена не решила настоять на этом.

Ещё одна характерная для него черта – это «детскость», замеченная, например, геофизиками во главе с О. А. Квачевским (группа побывала в Темиртау 18 августа 1974 года; девять человек из Ленинграда, двое из Уфы): «Мы, геофизики, сотрудники Всесоюзного НИИ разведочной геофизики, с большим интересом ознакомились с обсерваторией и ее создателем Анатолием Витальевичем. Беседа, которую он провел, поражает свежестью мышления, оригинальностью и какой-то детскостью в самом хорошем смысле этого слова. Пожалуй, Анатолий Витальевич убедил нас в том, что достижение долгосрочных прогнозов погоды, которые так нужны человечеству, – не мечта, а очень неда-

лекая реальность...» (Журнал приёма экскурсий.)

Может быть, и «нескромность» Дьякова росла из того же генетического корешка, что и детская непосредственность. В бытовых случаях, рассказывая о научных достижениях, он нередко ставил акцент на собственную личность, но без малейшей тени эгоистичности.

В «Печальной новости...» приводится одно воспоминание: «...Саша Измestьев рассказал такой эпизод. В начале шестидесятих годов, когда он был младшеклассником, внизу, под горой, было болото, сейчас осушенное. Речка весной разливалась и хлестала прямо через деревянный мост, делая его непроходимым для ребятишек. А надо идти в школу. Ребятишки стояли на берегу, не зная, что предпринять. И вот появлялся Анатолий Витальевич в шортах и рубашке с короткими рукавами. Босиком. Он брал ребятишек под мышки по двое, как щенков, и, осторожно ступая по залитому водой мосту, переносил их на другую сторону. Учитесь, мол!»

С сочувствием относясь к людям, Бог Погоды писал жалобы для горняков, которые поражались, как он, никогда не работая в шахте, мог знать и нормы выработки, и правила медицинского обслуживания, и предельно допустимые концентрации вредных веществ. Иван Замятин, Николай Малиновский, Афанасий Кабанов и другие приходили в избушку метеоролога за консультациями и жалобами. Многим шахтёрам стало обидно, когда пенсию повысили со 120 до 160 рублей. Они, допустим, отработали по тридцать лет и ушли на пенсию в 120 рублей, а через месяц-неделю – повышение... Пустили жалобы по начальству, но безрезультатно. Тогда пошли к Богу Погоды, который, однако, на сей раз отказал в просьбе, объяснив тем, что некие органы предупредили: хватит писать.

Беседуя с журналистами, Дьяков иногда зачитывал отрывок из «Популярной астрономии» Фламариона, подавая его убеждения как тождественные своим собственным: «Когда люди узнают, что такое Земля, и ознакомятся со скромным положением своей планеты в бесконечности, тогда они перестанут быть безумцами, такими грубыми с одной стороны и такими легковверными с другой; тогда они будут жить в мире, в плодотворном изучении Истины, в созерцании Прекрасного, в делании Добра, в стремлении к развитию Разума, в благородном

употреблении своих высших Духовных способностей».

В этой цитате и впрямь много от самого Дьякова, романтика-гуманиста, наивно верящего в классические идеалы и в то, что гений и злодейство несовместны. «Не замечательно ли, – рассуждал Анатолий Витальевич в «Автобиографии», – что именно <...> мысль о мировой дружбе человечества <...> была выражена Великими основателями учений научного коммунизма: Карлом Марксом, Фридрихом Энгельсом и Владимиром Ильичом Лениным?! Первые двое писали: «Необходимо добиваться, чтобы прекрасные законы нравственности и справедливости, которыми руководствуются в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами в отношениях между народами».

Далее Дьяков цитировал мысль Ленина о том, что без просвещения нет коммунизма и об обогащении памяти знанием всех тех богатств, которые выработало человечество, и о том, что необходимо учиться, учиться и ещё раз учиться.

Вместе с душевностью и человечностью Богу Погоды была присуща необыкновенная вспыльчивость вкупе с быстрой отходчивостью. Просто уникальный случай отобразил Г. Юров в «Печальной повести...». Они с Дьяковым заговорили о возможности публикации в Кемеровском книжном издательстве, о том, что редакторы могут рукопись подправить.

«Дьяков сразу вскидывается:

– Кто подправит? Зачем подправит?

– Наши редакторы, – говорю, – в смысле запятых.

Но Дьяков уже не слушает:

– А ну-ка, погодите! Заходите обратно, – он стаскивает с меня пальто. – Подправят, говорите?

Он несёт мне кипу журналов и вырезок:

– Смотрите. Моя статья в журнале «Астрономия» вышла в Париже без единой поправки. <...>

– А вот мое интервью журналу «Турист». Да попробовали бы они что-нибудь исказить!

Дьяков задохнулся. Лицо пошло пятнами. Я пытаюсь объяснить, прошу извинить за неловкое слово. Он приходит в ярость, все более бледнея при этом:

– Никто не посмеет исказить Дьякова. Не дам!

На этот гвалт прибегает Нина Григорьевна... На скуластом лице тревога и чувство неловкости:

– Анатолий, успокойся! Тебе же нельзя волноваться.

И поворачивается ко мне:

– С ним это бывает. Не сердитесь, пожалуйста.

Но я уже начал сердиться. А Дьяков перешел к прямым оскорблениям:

– Книжки, значит, издаешь... Мэтра из себя корчишь... – говорит он с непонятной мне ненавистью.

Пора защищать свое достоинство.

– Вы перешли границу, – говорю. – Вот книга с вашим рефератом. Возвращаю уже сегодня. Очень сожалею. Прощайте!..

И выхожу вон, в сердцах хлопнув дверью». (Вскоре отношения восстановились.)

Этот эпизод оставляет пищу для размышлений. Здесь можно увидеть и гипертрофированное я Дьякова, врождённо присущее ему, и возможное обострение эмоциональных черт личности в период болезни. В другом месте Г. Юров приводит случай, когда Бог Погоды швырнул в печку книгу, в которой один из кузбасских поэтов развязно описал знакомство с ним.

Его научная и жизненная непримиримость достойна специального исследования. Он порвал отношения с матерью (или она с ним?), ссорился в школе с учителями и директором, после дружеской переписки с Эйгенсоном перестал признавать его, уличив в научных заблуждениях. О таких оппонентах, как Кибель, Хромов, Бугаев или Марчук, и говорить не приходится. И в то же время он прекрасно ладил со многими людьми, хорошо уживался с Ариадной Ивановной, Ниной Григорьевной и своими детьми, поддерживал дружбу с Р. Ф. Усмановым и одним из однокашников по МГУ Исаком Богановским.

В студенческом далеке Дьяков спас Богановского, когда тот тонул, – никаких подробностей больше нет. Бывая в Москве, Дьяков навещал приятеля юности, навсегда сохранившего благодарность за спасение. Камилл, ездивший в детстве вместе с отцом, запомнил, как они оживлённо беседовали, вспоминая прошлое. «Сталин – подлец...» В качестве подлеца в беседах фигурировал также студент, который донёс на Дьякова в 1934 году. Им его имя было известно.

К Сталину Бог Погоды всегда относился с должной нелюбовью или ненавистью и с возрастом углубил мысли о «палочном социализ-

ме». Впечатления от сталинской эпохи сливались в его представлении с теми образами, которые оставил Александр Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву». Ему самому довелось путешествовать в Москву, но не из Петербурга, а из Ташкента, видя невообразимые страдания людей.

Чтобы разобраться в коммунистических идеях и сопоставить их с фактом ареста и осуждения в 1935 году, он в большом количестве прочитал труды классиков марксизма-ленинизма и мог цитировать их наизусть. НЭП и её успехи ему пришлось видеть собственными глазами. В сравнении со Сталиным Ленин казался неоспоримо сияющей вершиной...

Относясь к марксизму-ленинизму вполне ортодоксально, Бог Погоды не мог не видеть, как советское общество всё больше и больше разлагалось, всё больше и больше пронизывалось фальшью. Но нельзя сказать, что именно по этой причине (причины могли быть и другими) Дьяков не присутствовал ни на одном поселковом торжественном собрании. На депутатские выборы разных уровней он являлся своеобразно – без пяти минут, а то и без двух минут до полночи, когда избирательная комиссия должна была вскрывать урны. Председательствовала в избирательной комиссии обычно Анна Ивановна Ситько (жена директора школы), секретарские обязанности выполняла А. С. Черданцева. Женщины ворчали:

– Чтобы показать свою занятость, приходит ночью последний!

– С утра весь день работал и к ночи только освободился!

Дьяков всегда до поздней ночи засиживался над книгами, свет в окнах виднелся из посёлка. Он читал научную литературу и периодику, историческую литературу, художественную классику. Среди излюбленных им авторов можно назвать Чехова, Тургенева, Гоголя, Куприна... Да и стоит ли приводить длинный список, в котором есть даже забытые сейчас и полузабытые имена? Как истинный романтик, он с удовольствием в разные годы жизни читал Жюль Верна, Герберта Уэллса, Конан Дойля...

В музыкальной сфере предпочтений его вдохновляли такие непохожие друг на друга Сен-Санс и Бетховен. Эстрадную музыку не любил, по телевизору смотрел только новости.

В журнале приёма экскурсий много отзывов, выражающих поразительное впечатление от

личности Бога Погоды. «Уважаемый Анатолий Витальевич! Сегодняшний день мы будем считать одним из самых удивительных и счастливых. Щедростью Вашей души и своими глубокими убеждениями в научной деятельности Вы нас глубоко поразили и нежно тронули. Ехали мы сюда для встречи с Вами и на прогулку. Но итог нашей поездки – это в основном встреча с Вами. <...> Велик тот, кто твердо убежден в своих идеях. Группа железнодорожников Новокузнецкого отделения железной дороги, 60 человек» (22.02.75). «Это неверно, бывают шизофреники, сумасшедшие, тоже твердо уверенные в своих бредовых идеях, например, А. Гитлер», – прокомментировал А. В. Дьяков.

«...Три дня праздника науки, общечеловеческого знания и душевности. За все большое спасибо! Будем ждать Вашу книгу о Фламарионе. Физик Е. П. Маточкин, Новосибирск» (09.03.76).

«Анатолий Витальевич, Вы открыли мне стихи графа А. К. Толстого, а главное, прекрасно открылись сами в большом многообразии талантов. Спасибо... Физик А. А. Шпунт, Новосибирск» (09.03.76).

«Правда всегда побеждала, так держаться за истину надо нам учиться у Вас... Главный агроном Кустанайского областного производственного управления совхозов М. Ермаков» (20.11.74).

Некоторые авторы отзывов патетически писали о том, что идеи, время которых пришло, всегда побеждают. В те годы это так легко думалось.

НЕИЗБЕЖНОЕ

Всю жизнь Дьяков сам следил за своим здоровьем, не беспокоя врачей. Собственно, кроме насморков, он не мог ни на что жаловаться. С юных лет ему претили вино и табак, чай и кофе, он не ел мясо. Его приоритеты в еде составляли молоко и молочные продукты. По утрам – неукоснительно гимнастика Мюллера, холодные обливания в любое время года. Вода из обледенелого ведра была привычна ему. Грузность тела не мешала чувствовать бодрость и прыгать, как мячик. В апреле он гулял по снегу босиком, ходил в центр посёлка с туфлями под мышкой.

И всё-таки часы неумолимо тикали. Роскошные когда-то волосы редели и седели. Стало напоминать о себе сердце. Появились

ревматические боли. К шестидесяти шести годам Анатолий Витальевич сдал и не выезжал из посёлка. Соседний Новокузнецк и то казался дальней дорогой. Всё чаще в голове гостили грустные мысли, порой ужасавшие его: «Неужели я старик?!» Когда-то ему казалось, что впереди только великий, озарённый светочем разума путь.

Он подумывал о смерти и вечности, о завершении своей биографии и её продолжении в потомках, о том, чтобы передать знания самому образованному сыну, Камиллу, вернувшемуся из Минска после окончания Белорусского университета.

Смерти как таковой, ухода из жизни Дьяков не боялся. Более того, он как-то тешился мыслью о ней, веря, что лишь после неё к нему и придёт научное признание, как заведено в этом завистливом, неприязненном человеческом мире. Ещё нестарый и здоровый, он говорил жене, как всегда, конечно, скорее эпатируя, чем всерьёз:

– Давай уйдём из жизни вместе. Подлецы одолели. Не могу больше!

В 1981 году у него отнялась рука. Врачи, прилетевшие на вертолёте из Новосибирска, отметили нарушения кровообращения, инфарктные явления мозга.

Несмотря на тяжёлое самочувствие, Дьяков продолжал работать, исправно давая прогнозы погоды, отбивая телеграммы по заявкам, снабжая информацией сельхозотдел Кемеровского обкома КПСС. По-прежнему приезжали на практику студенты, приходили туристы-экскурсанты, десантировались корреспонденты и киношники.

С углублением болезненных состояний Дьяков начал замыкаться в себе. Образ собственной могилы на вершине Улудага давал ему пищу для размышлений. Здесь, на горе, дело его жизни. Здесь должен покоиться и прах его. Между тем ещё более, чем смерть телесная, Дьякова тревожило нечто вроде смерти духовной, которая заключалась бы в краже его идей.

Жизнь вокруг цвела и звенела молодыми голосами. Росли и пробивались новые научные силы. Сотни учёных могли с ходу переварить теоретические взгляды Бога Погоды – глядишь, их быстро донесёт до них какой-нибудь прыткий гений, доселе никому не известный. Сколько раз Дьякову приходилось

читать о научных кражах. Вот, к примеру, Окен в 1807 году присвоил идею Гете о значении межчелюстной кости у человека и позвоночную теорию черепа... Да что читать. Ещё четверть века тому назад он ясно видел, как хитрят скептики из Гидрометслужбы. Прикидывались внимательными и сочувственными, стараясь добиться «втихую» передачи им всех разработок, не давая никаких обещаний и хотя бы моральной поддержки. Лживость их сквозила во всём. Хотели обвести вокруг пальца! Отнять приоритет!

Страх разрастался, давил и душил. Мнительность заставляла подозревать и студентов в вынюхивании секретов. Приходилось проявлять осторожность в изложении идей.

В эти болезненные годы его особенно занимала судьба своего теоретического наследия. Итоговой, главной книгой его жизни должна была стать «Динамика атмосферы», в отношении которой он получил письмо из Гидрометиздата с выражением готовности опубликовать её. Однако она, отпечатанная машинописным способом на русском и французском языках, так и не увидела свет. По воспоминаниям жены, в отчаянии Анатолий Витальевич подумывал о публикации «Динамики» за границей, но не пошёл на это из опасения перехвата. Действительно, госбезопасность просто «спала» в мыслях учёного (мне это известно из компетентного источника).

7 ноября 1984 года Бог Погоды отмечал 73-й день рождения, совпавший с 67-й годовщиной Октябрьской революции. Приехали дети, собралась вся семья. Разговор зашёл о науке.

– Как же звали того учёного, который...

Все взгляды устремились на главу семьи, никогда не упускавшего удовольствия блеснуть рассказом. Однако вопрошающие глаза сконфуженно опустились, потому что случилось нечто невозможное: отец не мог вспомнить известное имя...

Дети остались ночевать в новом доме, именик с женой пошли в старый. Анатолий Витальевич прохаживался по комнате, поохивая и постанывая.

– Что с тобой? Болит что-нибудь?

– Нет...

Вызванный утром врач дал направление в больницу Каза (соседнего посёлка), оттуда больного повезли в Новокузнецк. Лишь через неделю врачи диагностировали инсульт. Анато-

лий Витальевич не помнил никого из знакомых и родных, даже детей. Но узнал пришедшую на свидание Нину Григорьевну.

– Увези меня отсюда! Увези скорее!

Назавтра они уехали домой. Человека нельзя было узнать. Вместо без умолку говорливого – немой, который принимал пищу и ложился на диван. Доставал с полочки, что над диваном, книгу, листал... и снова вкладывал её в ряд. Так миновали несколько месяцев, прошёл Новый год.

Утром 15 февраля, в пятницу, Нина Григорьевна пришла в старый домик с газетами. К её удивлению, муж сам поднялся с постели, оделся и обулся, после чего принялся за чтение газет. «Неужели выздоровел?..»

– Толь, ты наших детей помнишь?

– Да ты что, с ума сошла? Как же я их не помню?

– Ну, скажи, Валера в каком году родился?

Анатолий Витальевич образцово назвал всех детей с датами. Не чувствуя себя от радости, Нина Григорьевна ненадолго вышла. Вернувшись, она застала мужа болезненно скрюченным. Из рук его выпал топор, которым он, видно, хотел расколоть чурку.

– У меня сразу всё заболело...

Она – за лекарством в аптеку. Принесла – он лежит на полу.

– Толь, ты чего это на полу развалился? Упал, что ли?

– Нет, я лёг – тяжело...

Нина Григорьевна позвонила Камиллу, который немедленно скатился на лыжах с Улудага, где работал.

– Папа, что с тобой?

– Камилл, пришёл мой конец, я умираю!

...Врач скорой помощи спешила вколоть лекарство. Больного, никогда в жизни не любившего уколы, с трудом удалось уговорить. Когда отлегло, Анатолий Витальевич забросал доктора вопросами по медицине. Та засобиралась, на ходу что-то отвечая.

– Посидите, посидите...

– Нет, пора, меня ждёт другой больно...

Вскоре после её ухода сердце Дьякова остановилось. 15 февраля 1985 года, в пятницу, в 15 часов 15 минут. Какая таинственная закономерность заставила пятёрки выступать одним парадом?

Хоронили его при двадцатиградусном морозе с ярким солнцем. Огромная толпа запрудила

центр посёлка, исчисляясь тысячей, если не двумя, человек, разумеется, не без административного ресурса рудоуправления, собравшего всю возможную массу. Но и без того в этом событии ощущалась эпохальная значимость. Кроме местного населения, в похоронах участвовали официальные и неофициальные лица из Кемерово, Новокузнецка, Новосибирска... Без машины, на руках гроб донесли до самого кладбища Каштау. Похоронить тело на горе Улудаг, как завещал Бог Погоды, противоречило правилам.

ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Дети Дьяковых ничем не выделялись среди поселковых сверстников. Мальчишеские интересы располагали больше к природе и беготне на воздухе, чем к корпению над книгами. Отец читал им в подлиннике Фламариона, тут же переводя, однако ни астрономия, ни французский язык их не увлекали.

Повзрослев, каждый из потомков Дьяковых пошёл собственной профессиональной дорогой. Валерий стал горным электромехаником. Александр – лётчиком на местных и северных маршрутах. Елена, окончив метеорологический техникум, работала в метеослужбе Новокузнецкого аэропорта, затем переучилась на диспетчера.

Камилл учился на физическом факультете Белорусского университета. Благодаря письменным обращениям знаменитого отца в нужные инстанции он не затерялся в даях по вузовскому распределению, а вернулся домой вместе с женой Людмилой и начал помогать в работе гелиометеостанции.

– Ты наследник моих трудов, – удовлетворённо говорил отец.

После его смерти и переписки Камилла с профессором Е. П. Борисенковым, руководившим ГГО, с академиком Ю. А. Израэлем, директором Госкомгидромета СССР, с президентом АН СССР Г. И. Марчуком была достигнута договорённость о передаче гелиометеостанции, заведовать которой стал К. А. Дьяков, в Госкомгидромет. В реальности обсерватория попала под управление новосибирских научно-метеорологических структур. Поработав в этой системе, Камилл Дьяков не увидел полноценных перспектив. Его просили подготовить за три года методику отца, которую он не знал. Для него вообще осталось неведомым, а была

ли методика. Может быть, отец прогнозировал погоду чисто интуитивно? В общем, Камилл ушёл восвояси.

В 1990-е годы развал страны не миновал и Горную Шорию. Темиртауский рудник, к тому времени выработавший свой ресурс, ликвидировался. Телескоп, установленный в башне Улудага, продали. Сама башня постепенно превращалась в руины.

В жизни Камилла наступил своеобразный период: он принял на себя власть в посёлке, избравшись председателем поссовета. За работу взялся с большим демократическим воодушевлением и в полной мере хлебнул горечи, узнав, что означает власть без денег. В советское время всё в посёлке держалось на руднике, поссовет занимался благоустройством, опираясь на производственную базу. Теперь Таштагол выделял крошечную сумму – и крутись как хочешь, отвечая за ямы на дорогах, за пьяных, за кур, залетевших в чужой огород. Полная неразбериха, неопределённость, безответственность вышестоящей власти и неуважение жителей к власти поселковой.

Но и это ушло в прошлое. Сейчас Камилл выглядит вполне респектабельно и в свои шестьдесят с небольшим лет очень крепок и спортивен. Старую развалюху родителей он снёс, построив на её месте уютный двухэтажный особнячок, примыкающий к той же башне. На досуге он занимается там оцифровкой огромного отцовского архива.

Уже не первый год Камилл страстно увлекается пешим и водным туризмом, путешествуя в отпускное время с женой, кем-нибудь из детей и собакой Рицей по таёжным трассам и горным рекам, для чего у него есть катамаран. Двое его сыновей, Анатолий и Павел, и дочь Элеонора, названная дедом в честь Э. Лир, окончили вузы и живут в больших городах.

Работая одно время на поселковой телевышке, с высоты которой обзревается чуть не вся Горная Шория, Камилл был захвачен непостижимым чувством огромности пространства. Ему захотелось высоты ещё и ещё. Так он увлёкся планеризмом. И, паря над землёй на аэрошюте в километровой выси и глядя вниз на горы, леса, реки, дороги и строения, чувствуя, какая мелкая человеческая суетность расстилается под ним, он осознает это как некий момент истины, вместе с драйвом и приливом адреналина.

Похоронив мать в 2009 году, Камилл поставил ей такой же памятник, как и отцу. Родители лежат вместе, в одной оградке.

ПОХОРОНЫ СОЛНЦА

Беседуя с Р. Усмановым в конце 1980-х, Г. Юров прямо спросил его: «Так был ли всё-таки методический секрет у Бога Погоды?» Рустем Фатыхович однозначно ответил, что нет, не было. Есть «индекс Дьякова», приведённый в докладе 1972 года и признанный многими учёными. Так что, мол, этого достаточно, методика для всех желающих доступна.

– Рустем Фатыхович, почему же тогда нет прогнозов, равных по точности дьяковским? Почему же его достижений никто не повторил, не говоря уже о том, чтобы превзойти? – в недоумении допытывался Геннадий Евлампиевич.

Ответ, увы, ничего не прояснил и никак не обнадежил, а отослал взыскующего истины в туманное царство интуиции. «Нельзя получить достоверный прогноз явлений природы на основе одной лишь логики, без действия интуитивных процессов, происходящих в человеке».

Рустем Фатыхович Усманов родился 22 июня 1914 года в русско-татарском селе. Отец его заведовал школой, где русские учились вместе с татарами. Окончив геофак Казанского университета, он переехал в Москву и начал работать в Бюро погоды СССР. В войну служил в должности военного синоптика и в 1943 году обслуживал полёты правительственных самолётов из Москвы в Тегеран, где проходила конференция глав государств антигитлеровской коалиции. В том же году участвовал в противосаранчёвой экспедиции в Индию.

В послевоенные годы ему приходилось бывать в Австралии, на исследовательском судне «А. И. Воейков» плавать в водах Индийского и Тихого океанов. В первой Антарктической экспедиции он составлял синоптические карты и вот тогда-то задумался о некоторых закономерностях. Оказалось, что на погоду влияет, кроме рельефа суши, строение океанского дна. Подводные котлованы усиливают атмосферные процессы.

В 1961 году в трудах ЦИПа вышла его работа, в которой он связывал атмосферную циркуляцию со скоростью вращения Земли и с гравитационно-магнитными аномалиями.

В начале 1970-х годов Усманов работал старшим научным сотрудником лаборатории

Солнечно-Земных связей, руководимой Э. Р. Мустелем, и вписал в свой актив ряд успешных предсказаний ураганов задолго до их фактического появления (что никому в мире не удавалось и тогда, и сейчас, кроме Дьякова). В своих прогнозах он опирался на дьяковские приёмы.

Из письма А. В. Дьякову (29.08.70): «Я тут тоже в течение нескольких лет составляю опытные прогнозы о возможности формирования тропических циклонов с учетом прохождения активных областей через центральный меридиан (то есть пятен через экватор Солнца. – Е. Ч.) – по существу, по Вашему же методу, но с некоторыми дополнительными соображениями, с учетом предварительного благоприятного барического поля, гравитационной и геомагнитной аномальности района возможного формирования тропического циклона и определением возможного сектора активизации атмосферных процессов по времени прохождения центра активных областей через центральный меридиан. Имеется много удачных случаев прогноза тропических циклонов. Эти случаи я стараюсь фиксировать за подписью синоптиков Гидрометцентра, чтобы побольше собрать материалов для статистического анализа оправдываемости таких прогнозов. Особенно удачным оказался случай прогноза тайфуна «Вильда», возникшего 9.VIII этого года и спрогнозированного мною 7.VIII с указанием места его зарождения. За два дня до зарождения этого тайфуна была послана специальная телеграмма во Владивосток и на наш корабль погоды «Прилив», который работал в это время в районе зарождения тайфуна».

Усманов знал, что (по Дьякову) тропические циклоны появляются в местах прямого попадания пучка плазмы, исходящей от солнечных вспышек. Для определения координат образования тропического циклона необходимо точно знать координаты пятен и время, когда пятно окажется на прямой линии с Землёй. В этот момент на освещённой стороне планеты появится тропический циклон. Но это долгота, а широта? Spasatel, который когда-то общался с Рустемом Фатыховичем (и сообщивший об этом в Интернете), сетует на то, что не спросил о широте.

Усманов – человек исключительно эрудированный, творческий и словно самой судьбой назначенный в друзья Дьякову (и А. Чижевский ценил дружбу с Р. Усмановым). Как учёный, Ру-

стем Фатыхович далеко не полностью раскрылся и по отверженности в чём-то повторил планиду Бога Погоды. Умудрённый опытом жизни, на кое-какие вещи он смотрел инфернально и, может быть, демонизировал проблемы или просто трезво оценивал, зная подноготную, неизвестную нам.

Из «Печальной повести...»: «Я искренне недоумеваю, почему государство, заинтересованное в точных прогнозах, не поддержало солнечных хотя бы административно-командным путем?

Усманов смотрит на меня, как на ребенка. Потом решается:

– Вы это должны знать! Черниченко, защитивший Дьякова в «Правде», вскоре вылетел из газеты. Полянский, который заявил, что лично разберется с делом Дьякова, вскоре был смещен с поста заместителя Председателя Совмина СССР. Мне не дали защитить докторскую диссертацию, в 1976 году отправили на пенсию...

Голос Рустема Фатыховича задрожал, на глазах появились слезы.

Он выявил географическую зависимость в отношении к «солнечникам». Хорошо к ним всегда относился Ленинград, с которым соперничала Москва (относясь, соответственно, хуже). А Ташкент, откуда вышли Бугаев, Израэль, Фёдоров, Петросянец, всегда был губителем этого направления.

С невесёлой усмешкой А. Усманов раскрыл Г. Юрову роль научных школ в борьбе идей:

– Дело в том, что любого учёного формируют те обстоятельства, в которых он начинал свою карьеру. Те люди, которые стали его учителями. Есть такое понятие – школа. Так вот, сменить школу так же трудно, как сменить религию. И представители одной школы, заняв командные посты, стараются задавить все другие направления. В этом кризис нашей метеорологической науки. Под этот пресс попал и Анатолий Витальевич Дьяков.

Аналогичную мысль я случайно обнаружил на одном из интернетовских форумов (автор скрывается под ником): «Дело не в хороших или плохих прогнозистах, а в научных школах».

После сильнейшей засухи летом 1972 года министр сельского хозяйства Полянский дал поручение Госкомгидромету СССР разобраться с вопросом долгосрочного прогноза метеоусловий для сельского хозяйства. Не последнюю

100

роль в этом решении сыграла большая известность и популярность А. В. Дьякова, прогнозы которого ждали и руководствовались ими даже отдельные колхозы, не говоря уже о секретарях обкомов.

В ноябре в Гидрометцентре СССР состоялась специальная конференция, посвящённая вопросам влияния на погоду и климат солнечной активности. На этой конференции выступили десятки докладчиков. По этим докладам можно было оценить общее состояние, в котором находились научные исследования в этой области и насколько далеко они были продвинуты.

Всё это находилось на полярной стороне по отношению к другому направлению, которое в своё время вёл Г. И. Марчук (президент АН СССР) и на что были потрачены миллиарды советских рублей. Суть этого направления сводилась к тому, что основным дирижёром погоды являлся океан, а способы прогноза должны исходить из математического моделирования системы океан – атмосфера, которая представлялась замкнутой. Это направление не предполагало менять, более того, в 1975 году предполагалось провести эксперимент по программе «Разрезы» по исследованию той же системы океан – атмосфера. Автором этой программы также был Марчук. На неё после засухи 1972 года правительство выделило огромные деньги. После того как программа провалилась несмотря на колоссальные затраты, было выдано резюме: «Проблема долгосрочного прогноза погоды является проблемой века и в настоящее время решена быть не может». Теперь представьте на этом фоне дерзкие прогнозы какого-то любителя из Темиртау. Могли ли они вызвать восторг? В 1976 году тема солнечно-

погодных связей официально закрывается, все исследования по этому направлению прекращаются, литература и научные диссертации изымаются из библиотек, учёные, которые пытаются возразить и продолжать эти исследования, под разными предлогами увольняются с работы. Перестают появляться и статьи на эту тему в обычной прессе.

И политика, и научная проблематика 1970-х ушли в прошлое. Современная наука переживает невидимое для большинства из нас, рядовых граждан, но колоссальное напряжение идей. Изучаются лунные, солнечные и галактические ритмы. Открываются неведомые ранее закономерности. Старые проблемы поглощаются новыми, одна из которых связана со знакомым всем в наше время глобальным потеплением.

Остаётся выразить надежду, что дни солнечных идей – идей Анатолия Дьякова – когда-нибудь возродятся и кто-то скажет, что наконец-то время пришло.

Личный архив А. В. Дьякова.

Архив Темиртауского рудоуправления.

Материалы фонда А. В. Дьякова Кемеровского областного краеведческого музея.

Падерин Г. Ловец ураганов // ...И экзотика. Новосибирск, 1970.

Юров Г. Печальная повесть о Боге Погоды. Кемерово, 1994.

Принудительный труд: сборник документов. Кемерово, 1994.

В Интернете:

Дьяков А. В. Автобиография.

Щукина О. Неизвестный Дьяков.

Рост Ю. Одиноким борцем с земным притяжением. Интернет-журнал «Ритм».